

Государь сдѣлалъ какую-то тактическую ошибку въ диспозиціи и самъ ее замѣтилъ. Но Ванновскій сталъ доказывать государю, что это не ошибка, а геніальный стратегическій ходъ.

— Не будьте холопомъ!—воскликнулъ разсерженный царь.

Не подавая Ванновскому руки, Александръ III повернулся къ министру спиною и болѣе мѣсяца не принималъ отъ него доклада. Не любилъ онъ холопства, но и не терпѣлъ противорѣчій.

Когда министръ Абаза высказался противъ безграничнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, ссылаясь на международный контроль, государь вспылилъ.

— Если я нашелъ это цѣлесообразнымъ, то и быть по сему,—воскликнулъ Александръ III.

Вскорѣ, послѣ восшествія на престолъ, Александръ II возвелъ въ министры прокурора, производившаго слѣдствіе по царевубійству, Муравьева. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ А. Ф. Добржинскій получилъ назначеніе товарища оберъ-прокурора правительствующаго сената. Жандармерія работала во всю.

Ни смерть Мезенцева, зарѣзаннаго на улицѣ, ни гибель Дрентельна, не устрашали стяжателей.

Должность шефа жандармовъ создавало столь завидное положеніе, что всѣ рвались, какъ бы пристроиться къ такому жирному пирогу.

Нѣсколько милліоновъ ассигновывались въ личное распоряженіе шефа жандармовъ.

И Шебеко, недолго властвовавшій на этой должности, оставилъ милліонное состояніе своему потомству.

Проводилась суровая идея насилія надъ общественной мыслию.

Громадную роль въ революціонной пропагандѣ играли студенты и курсистки того времени. Они устраивали тайныя засѣданія, обсуждали террористическіе планы и даже пробовали ихъ осуществлять. Ихъ арестовывали массами, судили при закрытыхъ дверяхъ въ Особомъ Присутствіи, причемъ рѣшающее слово говорила жандармерія.

Стоило найти небольшую дозу динамита, гильзу для бомбы, революціонную литературу, и виновнаго судили за принадлежность къ революціонной организаціи и приговаривали къ смертной казни.

Далѣ со словъ морского лейтенанта Тыртова приводимъ одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ, происходившаго въ маѣ 1882 года.

Подобныя массовыя казни происходили довольно часто.

Красивымъ женскимъ почеркомъ Александръ III подписывалъ многочисленные смертные приговоры. Всѣ домогательства либеральной партіи подавлялись. Рѣшающій голосъ въ социальныхъ вопросахъ имѣли такіе холопы, какъ Побѣдоносцевъ, Катковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Толстой, Воронцовъ-Дашковъ и проч.

Перу Щедрина принадлежитъ знаменитый квинтетъ:

Толстой, Катковъ,
Побѣдоносцевъ, Воронцовъ
Да и Ванновскій
Затѣяли сыграть квинтетъ.
Толстой эолу-арфу взялъ,
Побѣдоносцевъ взялъ цимбалъ,
Ванновскій взялъ тромбонъ,
А Воронцовъ—гобой и камертонъ.
Толстой играетъ древнюю балладу,
Катковъ гомера илліаду,
Ванновскій—польскій маршъ.
Побѣдоносцевъ „Отче нашъ“,
А Воронцовъ трубитъ въ гобой:
„Не уѣзжай голубчикъ мой“.
Отъ этой музыки вся Гатчина пришла въ такое умиленье,
Что государь нашъ издалъ повелѣнье,
Чтобъ музыкантовъ сихъ за геніевъ считать,
А вѣрноподаннымъ подъ музыку сію
Плясать, плясать, плясать.

И вѣрноподанные плясали. Ихъ угнетали, сажали по тюрьмамъ, казнили, бичевали, а прочая Россія не смѣла даже роптать.

Когда окруженные царя тебѣ позволяли намекнуть о конституціи, Александръ III приходилъ въ раздраженіе.

Тѣмъ не менѣ Милютинъ усердно просилъ царя опубликовать конституцію, данную его покойнымъ отцомъ Александромъ II. Но государь въ послѣднюю минуту передъ опубликованіемъ принялъ Мещерскаго, Каткова и Толстого, которые на колѣняхъ умоляли царя отказаться отъ этой мысли.

Къ этому времени относится любопытный инцидентъ.

Молодой поэтъ X послалъ въ редакцію серьезнаго литературнаго журнала еще въ февралѣ 1881 года стихотвореніе лирическаго содержанія. Въ одной изъ строкъ находились слѣдующія слова:

Я видѣлъ, какъ честь и добро презирали,
Какъ дали гонимымъ потомки вѣнецъ,
Какъ внуки свергали, что дѣды создали
Какъ сынъ презираетъ, что славилъ отецъ.

Все длинное стихотвореніе было, по обыкновенію, помѣщено въ началѣ мѣсячной книжки и очутилось, по волѣ метранпажа, какъ разъ противъ напечатаннаго манифеста, носившаго прозвище „ананасъ“.

Это прозвище происходило отъ неудачнаго оборота рѣчи, которымъ отличался историческій документъ.

Сочинилъ манифестъ Побѣдоносцевъ. Тамъ находилась слѣдующая фраза: „Господь Намъ даровалъ самодержавный престолъ, а на Насъ возложилъ святой долгъ сохранивъ его для потомка“.

Въ этомъ манифестѣ Александръ III отвергъ всякія надежды на конституцію.

Бдительная цензура, въ лицѣ Василя Ивановича Адикаевского, усмотрѣла въ стихотвореніи насмѣшку надъ монаршею волею.

Арестовали 22-хлѣтняго поэта, арестовали редактора и дѣло перешло на „Фонтанку“.

Судила и разбирала жандармерія, пока не было доказано, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто недоразумѣніе, совпаденія.

Вообще жандармерія орудовала во-всю. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія, чтобы обездолить массу гражданъ.

Но, при всей суровости, Александръ III находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ жены, Маріи Федоровны.

Мы не станемъ касаться добраго стараго времени, когда третьимъ отдѣленіемъ владѣлъ блаженной памяти Мезенцевъ, убитый, какъ извѣстно, революціонеромъ Дыгаевымъ.

Это было смѣлое убійство. На чудномъ ворономъ рысакѣ, къ Мезенцеву, на Большой Итальянской, подѣхалъ шикарно одѣтый господинъ въ цилиндрѣ, и тутъ же, на павели, несмотря на окружающихъ начальника третьяго отдѣленія Филеровъ, убилъ наповалъ кинжаломъ.

Этотъ Дыгаевъ, какъ потомъ выяснилось, служилъ въ томъ же самомъ учрежденіи въ качествѣ негласнаго агента киформъ.

Затѣмъ послѣдовало убійство Судейкина. Тутъ уже Дыгаевъ, фигурировавшій второй разъ, не будучи узаннымъ въ первый разъ, проявилъ невѣроятную смѣлость. Открыто выступая въ качествѣ чиновника тайной полиціи, Дыгаевъ добился довѣрія своего начальника Судейкина, и при удобномъ моментѣ убилъ его самымъ жестокимъ образомъ. Это все давнее прошлое служило эпилогомъ, такъ называемаго, третьяго отдѣленія, затѣмъ преобразованнаго въ охранное отдѣленіе.

Въ прежней организаціи третьяго отдѣленія находилась и жандармерія и секретная полиція подъ общимъ начальствомъ шефа жандармовъ. Этотъ шефъ жандармовъ, облеченный властью товарища министра, игралъ значительную роль при императорскомъ дворѣ, такъ какъ и Александръ III и Николай II всю жизнь свою опасались покушенія на убійство. Въ особенности Александръ III, не смотря на свою мощную фигуру, чрезвычайно страшился всякихъ подпольныхъ покушеній, какъ на свою жизнь, такъ равно и на жизнь своихъ приближенныхъ.

Въ началѣ царствованія Александра III, когда дворецъ переехалъ въ Гатчинскій Дворецъ, совершенно не приготовленный къ приему высокихъ гостей, Александръ III устроилъ штатъ дворцовой полиціи, а только что преобразованное охранное отдѣленіе было снабжено необычайнымъ количествомъ филеровъ, гласныхъ и негласныхъ агентовъ. Въ Гатчинскомъ пріютѣ чуть-ли не подъ каждымъ кустомъ можно было найти агента, которые мало того, что охраняли жизнь императора, но подслушивали разговоры, которые доносились тогда достопамятному генералу Черевину дворцовому командиру и шефу дворцовой полиціи. Александръ очень любилъ играть въ винтъ, въ которомъ принимали участіе какъ командиръ главной квартиры, генераль-адъютантъ Рихтеръ, такъ и генералъ Черевинъ.

Однажды, сидя за винтомъ, императору понадобилось пройти по корридору. Въ корридорѣ всегда дежурилъ старикъ сторожъ, полякъ по рожденію, Станиславъ Грудзевскій. Это былъ ветеранъ турецкой кампаніи, слегка контуженный, и при Александрѣ III-мъ причисленный къ дворцовому вѣдомству въ качествѣ сторожа. Александръ III вдругъ замѣ-

Исторический спиритический сеансъ въ царскосельскомъ дворцѣ.

тиль, что сторожъ ухватилъ рукой въ карманѣ. Моментально у императора мелькнула мысль, что у старика въ карманѣ имѣется револьверъ, которымъ онъ намѣревался его убить.

Александръ III не разстававшійся съ браунингомъ, только что ему подареннымъ германскимъ императоромъ, прицѣлился и наповаль убилъ старика. Когда же на выстрѣлы сбѣжались конвойные и вся дворцовая стража, то въ карманѣ старика нашли табакерку, которую онъ спряталъ отъ императора, ибо въ моментъ, когда государь показался въ корридорѣ, намѣревался понюхать табакъ.

Но это обстоятельство скрыли отъ императора. Наоборотъ, на этой почвѣ секретная полиція воздвигла цѣлое дѣло.

Давно избитый пріемъ прежней секретной полиціи Людовиковъ—настраиваніе, примѣнялся при нашемъ дворѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Когда былъ учрежденъ департаментъ полиціи послѣ упраздненія должности шефа жандармовъ, то секретная часть политической полиціи распалась на три части. На первомъ планѣ находился департаментъ съ его особымъ отдѣленіемъ. Этому особому отдѣленію были подчинены всѣ охранныя отдѣленія Россіи. Но независимо отъ охраннаго отдѣленія существовалъ корпусъ жандармовъ, и шефъ корпуса жандармовъ, которымъ являлся начальникъ штаба жандармовъ, или вѣрнѣе, начальникъ главнаго жандармскаго правленія,—всегда находился въ соревнованіи съ начальникомъ особаго отдѣленія вообще, а съ начальникомъ охраннаго отдѣленія въ частности.

Послѣдній шефъ жандармовъ Шебеко, предвидя подобное соревнованіе между штатской тайной полиціей и жандармской, сосредоточивалъ всю власть и всякіе дерективы въ своихъ собственныхъ рукахъ, но со времени раздѣленія функций это соревнованіе приняло грандіозные размѣры. Тѣмъ болѣе усложнился вопросъ, ибо градоначальства въ свою очередь имѣли особые секретные отдѣлы, въ которыхъ велись настоятельныя дознанія и разслѣдованія.

Очень часто бывали случаи, что „своя своихъ не признаша“ и агентъ охраннаго отдѣленія, по недоразумѣнію, пытался арестовать агента градоначальства. И на этой почвѣ бывали повѣроятныя пренія и недоразумѣнія. Эти дѣла доходили иногда до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Самое ужасное, что было во всей этой организаціи, это

то, что въ Россіи находилось нѣсколько тысячъ человѣкъ, лишенныхъ властью свободы, свободы любви гражданина и въ случаѣ недоразумѣнія никто изъ нихъ не отвѣчалъ передъ закономъ. Конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда аресту подвергался человѣкъ съ большимъ вліяніемъ или положеніемъ. Удаляя агента извинялись передъ лицомъ, но организація оставалась неприкосновенной.

Опасаясь упраздненія или сокращенія штаба, сами охранники создавали провокаціоннымъ способомъ рядъ самыхъ сложныхъ дѣлъ.

ГЛАВА II.

Массовая казнь.

Людей ссылали, высылали, казнили и все это творилось келейно при такой обстановкѣ, которая лишала общество возможности какого-либо контроля.

Пропадалъ среди бѣлаго дня человѣкъ, ни въ чемъ неповинный и о немъ слѣдъ простылъ. А иногда черезъ десять лѣтъ, а то и позже находились данныя, указывающія, что по недоразумѣнію сей мужъ былъ казненъ въ стѣнахъ такой-то или другой тюрьмы.

Бывали и массовыя казни, племянникъ бывшаго морского министра, Тыртовъ рассказывалъ мнѣ прелюбопытный фактъ. Когда послѣ убійства 1-го марта былъ казненъ на Семеновскомъ полѣ цареубійца Муралевъ, тогдашній прокуроръ И. А. Добржинскій, слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, продолжалъ производить дознанія о всѣхъ тѣхъ лицахъ, визитныя карточки которыхъ находились у подсудимыхъ и уже казненныхъ цареубійцъ.

Производились у нихъ обыски, при обыскахъ находились опять новыя фотографическія и обыкновенныя карточки,—опять производились обыски.

Такимъ образомъ число привлеченныхъ къ отвѣтственности возрастало нѣсколько сотъ человѣкъ въ теченіе какихъ нибудь 2-хъ мѣсяцевъ, а черезъ полгода привлеченныхъ уже оказывалось нѣсколько тысячъ. Тюрьмы переполнялись ни въ чемъ неповиннымъ людомъ. Но три мѣсяца держали въ казематахъ безъ всякаго допроса и когда ихъ затѣмъ освобождали, то брали съ нихъ подписку, что никакихъ претензій не имѣютъ и имѣть не будутъ.

Въ маѣ 1881 года въ казематахъ Петропавловской крѣпости было сосредоточено большое количество совершенно молодыхъ людей—студентовъ, курсистокъ и посѣтителей разныхъ академій, обвиняемыхъ въ принадлежности къ нигилизму. Тайный трибуналъ засѣдалъ иногда въ стѣнахъ самой крѣпости. Рѣшеніе этого трибунала не сообщалось своевременно осужденнымъ, чтобы лишить ихъ всякой апеллярности къ милосердію монарха.

Лейтенантъ Тыртовъ, только что вернувшійся со служ-

бы, нашелъ предписаніе, на слѣдующее утро явиться съ нѣлицейскимъ пароходомъ къ стѣнамъ Петропавловской крѣпости. Это утро начиналось для такихъ надобностей въ два часа ночи.

Въ это время въ Петроградѣ уже довольно свѣтло. Солнце уже взошло и яркіе вѣшніе лучи озаряли красавицу Неву, когда лейтенантъ подходилъ къ пристани Петропавловской крѣпости. Его встрѣтилъ жандармскій чинъ, который ему объявилъ, что сейчасъ на пароходъ будутъ доставлены узники. Съ этими словами онъ вручилъ лейтенанту запечатанный конвертъ съ надписью: „открыть въ время плаванія“. Лейтенантъ Тыртовъ положилъ конвертъ въ карманъ и внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ раздвинулись широкіе ворота крѣпости и открылся доступъ къ ряду построекъ таинственнаго характера. Тамъ въ глубинѣ притаился знаменитый Алексѣевскій бастионъ, въ которомъ провели послѣдніе дни своей жизни знаменитые декабристы. Лейтенантъ невольно вспоминалъ мрачную исторію этой пресловутой крѣпости, какъ вдругъ послышался лязгъ цѣпей. Издалека, въ сопровожденіи жандармовъ съ пашками наголо, парами двигались ряды молодыхъ заключенныхъ.

Сначала прошла колонна въ 14 человекъ, затѣмъ еще колонна въ 12 человекъ, а вдали видѣлись молодые женщины, ихъ было восемь. Весело по трапу поднимались молодые люди, видимо обрадовавшіеся яркимъ лучамъ вѣшняго солнца, котораго они были лишены въ теченіе мѣсячнаго періода. Лейтенантъ удѣлилъ всѣмъ заключеннымъ одну общую большую залу каютъ-компаніи. Молодые люди громко и весело болтали, сообщали свои впечатлѣнія и дѣлились пережитыми тяжелыми минутами. Уже лейтенантъ собирался дать приказъ машинисту, какъ къ нему подошелъ жандармскій офицеръ и шепнулъ ему на ухо:

— Потрудитесь обождать, мы еще ждемъ тутъ одного господина, безъ котораго намъ уѣхать нельзя. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, вдали показалась черная карета, запряженная рысаками.

Карета приближалась къ пристани. Вотъ она остановилась, изъ нея вышелъ сутуловатый, съ легкой просѣдой мужчина, интеллигентнаго вида. Онъ схватилъ изъ кареты корзину, изъ которой торчали горлышки бутылокъ, и маленький саквояжъ.

— Потрудитесь,—обратился жандармскій офицеръ къ